

РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Скриба А.С.

DOI: 10.7256/2305-560X.2016.2.16639

НЕЯВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ К ОСЛАБЛЕНИЮ СОЮЗНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ БЕЛАРУСИ С РОССИЕЙ

Аннотация. Поскольку в последние годы белорусские власти ведут себя вполне договороспособно, в России укрепилось мнение, что свой принципиальный выбор в пользу евразийской интеграции Беларусь уже сделала. Однако, по нашему мнению, такая уверенность кажется преждевременной. Говорить о выборе без анализа общественного мнения (пусть даже пока еще слабо влияющего на реальную политику) не вполне корректно. К тому же, принимая внимание неоднозначную историю политического диалога двух стран, долгосрочность и тем более априорность ориентации Беларуси на союз с Россией вызывает серьезные сомнения. Исследование основывается главным образом на анализе трансформаций общественных предпочтений в Беларуси на базе данных социологических опросов. Научная новизна исследования заключается в том, что после прошедших президентских выборов в Беларуси возможно появление новых социальных трендов, более решительно влияющих на внешнюю политику страны. Для российского экспертного и политического сообщества трансформации «внутри» Беларуси не всегда заметны. Однако опыт Украины наглядно показал, что эти трансформации таят в себе серьезный потенциал влияния на вектор развития государства, в том числе в важных для России внешнеполитическом и интеграционном аспектах.

Ключевые слова: Беларусь, Общество, Выбор, Интеграция, Мягкая сила, НКО, балансирование, власть, отношения с Россией, ЕАЭС.

Abstract. As far as Belarusian authorities have been recently expressing their readiness to negotiate, the opinion has confirmed in Russia that Belarus has decided on Eurasian integration. But in the author's opinion, such a confidence seems to be premature. It is not quite correct to speak about the decision without a public opinion analysis, though it doesn't influence the real policy much yet. Besides, taking into account the ambiguous history of the political dialogue between the two countries, the longevity and the apriority of Belarus's orientation towards the union with Russia casts serious doubts. The study is based mainly on the analysis of the transformation of public preferences in Belarus using sociological survey's data. The scientific novelty of the study consists in the fact that after the latest presidential election in Belarus, the new sociological trends can appear which would influence the country's foreign policy more profoundly. Russian expert and political community not always notice the inner Belarusian transformations. But Ukraine's experience had shown that these transformations hold a serious potential of influence on the country's development including the external and integration aspects, which are so important for Russia.

Key words: power, balancing, NGO, Soft power, Integration, Choice, Society, Belarus, Relations with Russia, EEU.

Введение

Постсоветские страны, несмотря на свои относительно небольшие ресурсы, обладают высоким потенциалом влияния на региональные процессы, и нередко используют этот потенциал на практике. От их поведения часто зависят отношения между Москвой и Брюсселем (как и Западом в целом), развитие евразийской интеграции, вопросы безопасности самой России и ее экономические интересы. Проблема заключается в том, что это поведение определяется не только внешними обстоятельствами, но также зависит от все еще продолжающихся после распада СССР глубоких общественно-политических трансформаций. Их-то как раз далеко не всегда удается вовремя рассмотреть и

тем самым предупредить более серьезные региональные проблемы.

В последние два года главным таким вызовом российской внешней политике и региональной устойчивости была Украина. Итогом ее дестабилизации стало то, что сегодня отношения России со странами ЕС и США – самые худшие за четверть века, а постсоветская реинтеграция, в фарватере которой находится ЕАЭС, стремительно разворачивается на Восток вслед за Москвой, теряя вместе с Украиной перспективы строительства большой, единой и мирной Европы. В поисках причин такой ситуации стали говорить (в целом, справедливо) об ошибках российской политики с точки зрения ее адресности («не с теми работали» [1]). Но касается ли эта проблема только украинского направления?

Диалог России с Беларусью, особенно на фоне российско-украинского «тупика», в последнее время отличается стабильностью, которой не наблюдалось достаточно давно. Вспомним: пять лет назад, накануне предыдущих белорусских президентских выборов, эти отношения были гораздо хуже. Тогда Минск в очередной раз затягивал с подписанием ряда соглашений ТС и ЕЭП, а Москва в ответ впервые за многие годы отказалась от публичной поддержки белорусского президента. Помимо этого были еще энергетические споры (условия и объем поставок нефти, споры с «Газпромом» из-за взаимного долга), другие политические разногласия (например, по революции в Кыргызстане), взаимные и подчас жесткие информационные «уколы» в СМИ.

Сейчас, по прошествии очередных президентских выборов в Беларуси, ситуация выглядит совершенно по-другому. Прежде всего, Беларусь и лично ее руководство характеризуются в России не иначе как «последовательный сторонник интеграции с Россией» [2]. И действительно: создание Евразийского экономического союза прошло в запланированные заранее сроки, а все имевшиеся между Минском и Москвой вопросы были заранее решены. Причем на этот раз их непосредственное обсуждение так и не вышло в публичное пространство.

Кроме того, Беларусь оказала России определенную поддержку в украинском вопросе. Какими бы неоднозначными ни были заявления ее руководства по Крыму и Донбассу, официально она проголосовала против антироссийской резолюции в ООН, признающей незаконным крымский референдум. По сути, признав Крым частью России (пусть лишь «де-факто») и отказавшись присоединиться к антироссийскому Западнему тренду, Минск подтвердил свой статус союзника Москвы, в котором некоторые стали сомневаться после грузино-югосетинского конфликта и отказа от официального признания Абхазии и Южной Осетии.

Наконец, российский политический класс уже иначе смотрит на очередное «потепление» отношений Беларуси с европейскими странами. Попытки опереться на ЕС (а по возможности и на США) накануне президентских выборов предпринимались белорусскими властями и ранее, в том числе для усиления переговорных позиций в торге с Москвой. Однако в условиях ЕАЭС и без того робкие шаги Минска в западном направлении уже не выглядят столь угрожающими, как это было раньше. Само по себе начало белорусско-европейского политического диалога не влияет (по крайней мере – напрямую) на его экономические обязательства в евразийской интеграции. Кроме того, есть понимание, что активизация европейского вектора и попытки восстановить диалог с ЕС – неизбежное следствие нового статуса Минска как перегово-

рой площадки между Москвой, Берлином и Парижем по украинскому вопросу.

Некоторые отечественные ученые все же видят в этой новой белорусской политике старые вызовы российским интересам. Например, критику вызвала позиция Минска в санкционном противостоянии с ЕС. По мнению политолога Андрея Суздальцева, Беларусь (с которой у России отсутствуют таможенные границы) способствовала ввозу на российскую территорию контрабанды – запрещенных европейских товаров. Не у всех нашли понимание встречи Лукашенко с Турчиновым (в бытность того и.о. президента Украины) и присутствие на инаугурации Порошенко. Стало казаться, что белорусский президент вернулся к политике балансирования между Востоком и Западом – игре на противоречиях ради собственной выгоды.

С одной стороны, все эти «претензии» несколько наивны, поскольку такой тип поведения вполне закономерен и соответствует геополитическому положению Беларуси. Находясь между крупными центрами силы и экономически завися от них обоих, вполне рационально избегать вовлеченности в конфликт между этими центрами. При наличии же противоречий между ними глупо не воспользоваться этим для повышения собственной значимости и извлечения дополнительной выгоды. Таким образом, *внешняя* политика Лукашенко в полной мере отвечает национальным интересам этой страны, что (особенно в последнее время) признают даже самые оппозиционные белорусские эксперты. К слову, и российское руководство, которое призывает партнеров в ЕС следовать национальной выгоде, а не позиции брюссельской бюрократии, старается с пониманием относиться к действиям союзника.

Однако с другой стороны, внешняя политика так или иначе связана с внутренней средой. Каждый случай многовекторности (балансирования) находит свое отражение на политическом и общественном уровне в самой Беларуси, приводя к весьма серьезным трансформациям. И с этой точки зрения конъюнктурное поведение белорусских властей несет серьезный вызов цивилизационной общности Беларуси и России, культурной гомогенности белорусского и русского народов, которая, надо признать, пока еще не подхватила евразийскими идеями и по-прежнему держится на стремительно уходящем в историю советском наследии.

Для российского экспертного и политического сообщества эти трансформации «внутри» Беларуси не всегда заметны. Причина этого достаточно проста: в силу особенностей белорусской политической системы обратное влияние общественной и околополитической среды на внешнюю политику Минска невелико. Отношения с Москвой уже давно

определяются на уровне высшего руководства. И поскольку в последние годы белорусские власти ведут себя вполне договороспособно, в России укрепилось мнение, что свой принципиальный выбор в пользу евразийской интеграции Беларусь уже сделала.

Однако, по нашему мнению, такая уверенность кажется преждевременной. Во-первых, нельзя забывать, что стратегическое равновесие и балансирование между Востоком и Западом является целевой установкой для белорусского руководства, и интеграция с Россией с этой точки зрения уже нарушила это равновесие. Во-вторых, ситуация в Европе и России в 2014 – 2015 гг. существенно поменялась, и перед Минском появился новый горизонт внешнеполитических возможностей. Наконец, в-третьих, говорить о **выборе** без анализа общественного мнения (пусть даже пока еще слабо влияющего на реальную политику) также не вполне корректно. Учитывая все эти обстоятельства, долгосрочность и тем более априорность ориентации Беларуси на союз с Россией вызывает серьезные сомнения.

Итак, достаточно ли прочны нынешние общественные и политико-экономические связи между Беларусью и Россией, чтобы не допустить кризис в отношениях и глобальный разворот Минска в сторону Запада? И есть ли предпосылки и движущие силы такого разворота «внутри» Беларуси? Ответы на эти вопросы помогут России лучше понять и прогнозировать действия своего союзника в двустороннем формате, регионе, контексте евразийской интеграции.

Сила связей

С середины 1990-х гг., когда Александр Лукашенко выступил в роли инициатора союзнических отношений с Россией, и до сегодняшнего дня в основе его внешней политики находятся два тесно связанных между собой мотива: политическая легитимация и экономическая выгода.

Легитимация белорусского режима стала проблемой с 1996 г., когда в конституционном кризисе и противостоянии ветвей власти победу одержал нынешний президент страны. Ни ЕС и его страны, ни Совет Европы и ОБСЕ возвышения президентской власти тогда не признали. А последовавшая авторитаризация белорусского режима сделала это признание вовсе невозможным (по крайней мере, так казалось до недавнего времени). Как результат, Европейский союз, а вместе с ним и США не считали легитимными итоги президентских кампаний 2001, 2006 и 2010 гг., и оказывали на Минск дипломатическое давление, в том числе посредством экономических санкций. Дополнительно был заморожен диалог по другим направлениям: образованию (Беларусь до 2015 г. была едва ли

не единственной европейской страной, исключенной из Болонского процесса), туризму (стоимость визового сбора для белорусов – одна из самых высоких в мире и почти в два раза выше, чем для россиян или украинцев) и пр.

Усеченные дипотношения с Европой могли стать серьезной проблемой для молодого белорусского режима, пришедшего на смену достаточно демократическому (хотя и не столь эффективно) госуправлению. Именно поэтому поддержка со стороны России, которая заключалась в признании нового руководства и его полномочий, оказалась исключительно своевременной. Собственно, во многом «благодаря» российскому посредничеству политический кризис 1996 года и решился в пользу президента, который тогда едва избежал импичмента. Немаловажной была располагающая позиция Москвы и в 2004 г., когда на референдуме решался вопрос об изменении конституции и предоставлении президенту Беларуси права баллотироваться неограниченное количество раз. Взамен своему политическому невмешательству Москва получила от Минска союзнические отношения (в формате Союзного государства – СГ), сохранение общего гуманитарного пространства, развитие военно-технического сотрудничества.

В какой-то момент белорусский президент стал все чаще искать дополнительные легитимирующие опоры. Реагируя на политическую изоляцию со стороны Запада, Александр Лукашенко достаточно активно (особенно по сравнению с лидерами других постсоветских государств) налаживал связи с внеевропейскими партнерами: Ираном, Ливией, Кубой, Венесуэлой, Китаем. Его визиты в эти страны должны были продемонстрировать, что белорусский президент признаваем во всех частях света. Однако в целом и белорусские, и российские политологи сходятся во мнении: без политического признания со стороны Москвы в условиях санкций Запада траектория развития политической системы Беларуси была бы совершенной иной.

В этом смысле за прошедшие годы мало что изменилось. Россия сегодня по-прежнему напрямую не вмешивается во внутривнутриполитические дела Беларуси, сдержанно реагирует на особенности белорусского политического, в том числе избирательного процесса, и остается **главным внешним партнером белорусского президента**, теперь уже – и в формате Евразийского экономического союза.

Экономическая выгода – второй и не менее важный фактор ориентации Александра Лукашенко на Россию. Можно даже сказать, что именно торгово-экономические связи с Россией лежат в основе современного белорусского государства и его политэкономической системы.

Специфика этой системы заключается в максимальном сохранении прошлых, советских инструментов госуправления. В Беларуси, в отличие от большинства постсоветских стран, отсутствовала масштабная приватизация, и контроль над реальным сектором до сих пор остается в руках государства. В начале 2010-х гг. по данным ЕБРР и белорусских экспертных институтов, доля частного сектора в Беларуси не превышала 30% (в начале 2000-х – 20%). Для сравнения, уже к концу 1990-х в России частный сектор занимал 70% ВВП, в Украине, Казахстане, Грузии и Кыргызстане – 60%, в Польше и Литве – 70%. [3, 4, 5]

Наравне с рядом достоинств (таких как бесплатное образование и здравоохранение, социальные льготы), белорусская модель унаследовала и многие отрицательные черты советской. В частности, можно привести низкую эффективность перераспределения доходов, слабую отдачу от инвестиций и постоянные проблемы с модернизацией и обновлением активных фондов предприятий. Отсюда – невысокая конкурентоспособность белорусской продукции на мировом рынке, отрицательное сальдо платежного баланса и потребность во внешней поддержке, которая позволила бы государству в полной мере выполнять свою часть социального контракта (по сути – предвыборные обещания).

С самого начала 1990-х гг. источником такой поддержки и стала Россия через институты и договоры Союзного государства. Для Москвы этот Союз был важен с политической и имиджевой точек зрения, в том числе как послание другим постсоветским странам: какие экономические выгоды можно получить от реинтеграции с Россией. Минску же СГ давало сохранение оставшихся после распада СССР производственно-сбытовых цепочек, доступ товаров на российский рынок (где они, будучи необремененными ввозными пошлинами, по-прежнему находили спрос), а также возможность покупать энергетическое сырье по внутрироссийским ценам. Дешевый газ стал серьезным подспорьем для энергоемкого производства. Что касается нефти, то здесь присутствовал коммерческий интерес: закупая относительно дешевую нефть, белорусские госкомпании и околосударственные фирмы перерабатывали ее и продавали уже по мировым ценам, получая высокую маржу.

Отдельно можно отметить отношения в финансовой сфере. С середины 2000-х гг. когда в Беларуси назрела потребность в привлечении внешних кредитов, именно Москва стала их основным источником. В 2007 г. Минск привлек от России 1,5 млрд. долл., в 2008 – еще 1 млрд. долл. В 2011 г. было подписано соглашение о кредите в 3 млрд. долл. через Антикризисный фонд ЕврАзЭС. Конечно, можно привести примеры МВФ и Китая, которые также

предоставляли Минску ресурсы под относительно невысокий процент. Однако кредиты МВФ выдаются под структурные реформы, которые полностью противоречат белорусской экономической модели. Что касается китайских кредитов, то они предоставляются под конкретные проекты, причем с привлечением китайских же ресурсов и рабочей силы. Тогда можно дополнительно упомянуть кредит объемом до 10 млрд. долл. на строительство в Беларуси АЭС российским Росатомом

Создание Таможенного союза и ЕЭП, а вслед за ними – Евразийского экономического союза, стало трудным для белорусско-российских отношений. Москва старалась пересмотреть условия торгового-экономического сотрудничества и сократить дотирование белорусской экономики, ставя возможную помощь в зависимость от политического решения присоединиться к ЕАЭС. Минск, напротив, стремился сохранить прежний уровень российской поддержки и при этом максимально отсрочить свое участие в евразийской интеграции. В конечном счете, стороны нашли компромисс: Беларусь вступила в ЕАЭС, настойчиво акцентируя внимание на его неполитической направленности, а Россия сохранила для своей восточной соседки льготные цены на сырье (хотя и с регулированием его объемов) и доступ на рынок, а также продолжила оказывать кредитные услуги.

Таким образом, за годы белорусской независимости Россия была и остается **главным экономическим донором Беларуси**, обеспечивающим фундамент белорусской экономической модели. И хотя уровень этой поддержки за прошедшие два десятилетия постепенно сокращался, с торгово-экономической точки зрения замена российскому направлению для белорусского руководства по-прежнему отсутствует.

В дополнение к теснейшим политическим и экономическим связям двух стран можно также привести сотрудничество в военной сфере. В отличие от формально нейтральной, но постоянно стремящейся в НАТО Украины, Беларусь является участником ОДКБ, развивает военно-техническую кооперацию в формате СГ. На территории Беларуси также расположены две российские базы, функционирует Единая (с Россией) региональная системы ПВО.

Связи и конфликты

На первый взгляд, нынешние связи между Беларусью и Россией выглядят достаточно прочными. Особенно если учесть, что сейчас отношения двух стран закреплены в формате ЕАЭС – институционально более жесткой организации, чем СГ. Однако при всем кажущемся благополучии нельзя не вспомнить, что Беларусь все же всегда была для России достаточно трудным союзником.

Вспомним. С первой половины 2000-х гг. Минск и Москва часто спорили по вопросам цен на газ и нефть, что не единожды приводило к проблемам с транзитом. Беларусь настойчиво уклонялась от экономической интеграции в формате СГ, а предложения по интеграции политической вызвали крайне агрессивную (причем публичную) реакцию Александра Лукашенко, не желавшего объединяться с Россией иначе как на равновесных принципах (несмотря на очевидную разницу интеграционного «вклада» двух стран) [6]. Отдельным вопросом была приватизация белорусских предприятий: она не раз обсуждалась в рамках предоставления Минску очередной финансовой помощи, однако в подавляющей большинстве случаев так и не была проведена (исключение – вынужденная продажа транзитного газопровода российскому «Газпрому»). Ну а самым одиозным и неприятным для Москвы шагом стал отказ от признания независимости Абхазии и Южной Осетии – несмотря на «торжественное обещание» сделать это, данное в присутствии руководителей стран СНГ [7].

С одной стороны, такие действия имели под собой объективную рацию. Глубокая экономическая интеграция на российских условиях ограничивала компетенции белорусских руководителей, а приватизация – подрывала контроль над электоратом и лишала государственную бюрократию ее влияния. Это напрямую угрожало той политэкономической системе, которая устоялась в Беларуси и которая обеспечивала воспроизводство власти нынешнего президента. Иными словами, Россия, будучи главным «донором», выгодна лишь на расстоянии: экономически открытая для Беларуси, но не нарушающая ее внутренние экономические процессы.

С другой стороны, в политике Минска была и немалая доля креативного субъективизма. Он не только реагировал на политику своих внешних партнеров, но и сам пытался сыграть на их противоречиях. Собственно, именно это произошло в 2008 – 2010 гг., когда белорусский президент тормозил создание таможенного союза и не боялся идти на обострение отношений с Россией, которое расширяло ему накануне выборов диалоговую площадку с европейскими странами и усиливало переговорную позицию с Москвой. Это важный нюанс: Минск не только является бенефициаром российско-европейской конкуренции за постсоветские страны, но и имеет рычаги для ее стимулирования.

Итак, **первая ошибка**, которую в отношении Беларуси очень часто допускало и допускает российское экспертное сообщество – уверенность в пророссийскости белорусского президента. Чаще всего такие выводы строятся на риторике Александра Лукашенко и том образе союзничества, который он заложил еще в конце 1990-х гг. при соз-

дании СГ. В заявлениях белорусского президента можно услышать, как он называет белорусов и россиян братьями (и даже одним народом), а Россию – «страшим братом» и самым главным стратегическим партнером Беларуси.

На самом же деле риторика белорусского президента весьма неоднозначна. С тем же успехом он называет важнейшими стратегическими партнерами и другие страны – Китай, Венесуэлу, ранее – Иран и Ливию. Не реже, чем про братство с россиянами, он указывает на европейскую принадлежность Беларуси, причем даже большую, чем у самой России. Из последнего – на встрече с представителями белорусских и зарубежных СМИ в начале 2015 г. Александр Лукашенко скептически отнесся к набирающей обороты идее о русском мире: раскритиковал (отчасти справедливо) само понятие в силу его расплывчатости, но при этом акцентировал внимание, что Беларусь не является его частью [8]. А спустя всего несколько месяцев, накануне празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, Александр Лукашенко говорил уже совершенно обратное: «Мы приедем в столицу нашей родины Москву... как следует там отметим и продемонстрируем, что мы – русский мир» [9].

Эмоционально такие заявления понятны. Белорусский президент не хочет отрывать (или, тем более, противопоставлять, как это пытаются сделать на Украине) свою страну от России, с которой ее связывает не только экономическая прагматика, но и общность культуры, язык общения. Но при этом и принижать государственный суверенитет и собственную, уникальную (хотя и близкую России) историю белорусского народа – того, кого сегодня принято называть белорусами – Александр Лукашенко также не может.

Для России минусом такой политической риторики и практики является то, что все это не может не сказываться на общественных настроениях. Контролируя не только внешнеполитический курс страны, но и подавляющее большинство СМИ (в силу их государственной принадлежности), белорусский президент отчасти сам формирует эти настроения, и далеко не всегда они благоприятны для Москвы и ее попыток сохранить расплывающееся постсоветское пространство.

Хотя есть и в белорусской политической системе, и в самом Александре Лукашенко несомненный для России плюс. На сегодняшний день белорусский президент – единственный контрагент, с которым Москве следует договариваться по интересующим ее вопросам. Во-первых, это значительно упрощает сам переговорный процесс. Во-вторых, делает его результаты более стабильными. Вновь сравнивая с Украиной, в Беларуси трудно (пока) представить ситуацию, когда уже заключенные

соглашения могут быть пересмотрены в одностороннем порядке по причине смены политического климата. Просто в силу отсутствия такой смены.

Таким образом, Александр Лукашенко своим авторитарным правлением блокирует выход на политический уровень не просто конкуренции, а соперничества, которое могло бы быть куда более деструктивным для белорусско-российских отношений и влиянию России в Восточной Европе, чем сам нынешний президент. А такое соперничество имеет для своего появления весьма серьезные предпосылки, которые, не зная ситуацию «изнутри», далеко не всегда удастся рассмотреть.

Слабые звенья

Вторая ошибка анализа белорусской внешней политики, которая также весьма распространена в России, – отождествление президента Лукашенко и его пророссийской риторики с взглядами всего белорусского народа. Такой подход в значительной степени формируется на контрасте с Украиной и некоторыми другими постсоветскими странами. Протестный потенциал белорусского общества гораздо ниже, чем у украинского. Во многом именно поэтому в Беларуси не удалось реализовать революционный сценарий смены власти, а сами демонстрации и выступления, носившие проевропейский характер, были кратковременны и малочисленны. По-видимому, отсюда делается неверный вывод, что белорусы в своем подавляющем большинстве также являются последовательными сторонниками реинтеграции с Россией. А следовательно, отсутствуют и внутренние предпосылки для разворота белорусского президента (любого) на Запад.

В этой ситуации заметим, что низкий протестный потенциал обусловлен в первую очередь объективными факторами – сравнительной неразвитостью в Беларуси политически активного гражданского общества, слабостью демократических институтов, доминированием государства над независимыми общественными организациями. Но эти обстоятельства еще не делают общественные настроения пророссийскими и антизападными. Более того, как показывает практика (причем чем дальше – тем более отчетливо), эти настроения крайне слабо коррелируют с евразийским политическим курсом, которого придерживается Александр Лукашенко.

Действительно, когда-то белорусское население в большинстве своем поддерживало курс на интеграцию с Россией. В 1995 г. на референдуме за придание русскому языку статуса государственного (наряду с белорусским) проголосовало 83,3 %. Тогда же три четверти белорусов высказались за возврат символики БССР, и те же 83,3% поддержали «дей-

ствия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с РФ» [10].

Однако со временем эти предпочтения стали меняться. Уже в 2006 г. в случае проведения референдума об объединении Беларуси и России «за» готовы были проголосовать 46,4% белорусов; в 2010 – 2012 гг. (года создания ТС и ЕЭП) эта доля уменьшилась с 33,1 до 28,7, и с тех пор остается на уровне одной четверти. При этом, меняя свое отношение к российскому направлению, белорусы стали больше задумываться о своих европейских перспективах. По результатам опросов, в 2009 – 2013 гг. за вступление (!) в ЕС готовы были проголосовать около 40% (весной 2011 г. был достигнут исторический максимум – 50,5%). А самое главное – уровень поддержки европейского вектора в общем и целом за последние пять лет находился на уровне российского.

Украинский кризис и циничность подхода ЕС и европейских стран к внутренним проблемам этой страны, игнорирование прав и мнений жителей Востока Украины, наконец, давление европейских политиков на предыдущие украинские власти по вопросу создания ассоциации – все это снизило градус еврооптимизма в белорусском обществе. Уровень поддержки вступления в ЕС сейчас находится на уровне одной трети, объединения с Россией – немногим менее половины. Однако, во-первых, не ясно, как долго продержится этот незначительный «откат». Во-вторых, главный вывод, который уже можно сделать, – это то, что дифференциация белорусского общественного мнения по вопросам внешней политики стала устойчивой практикой. А в такой ситуации говорить о каком-либо цивилизационном выборе явно не приходится.

Кроме того, есть и другие тревожные для России сигналы. Прежде всего, это взгляды белорусской молодежи, которые эволюционировали значительно быстрее средних по стране, и также не в пользу России. Молодые люди, родившиеся в независимой Беларуси, находятся под меньшим влиянием фактора исторической памяти. Заботясь о своем собственном росте и реализации, они чаще ориентируются на экономически более успешный ЕС, едут туда получать образование (чаще, чем в Россию). Как результат, уже в 2008 г. в ходе опроса более половины белорусской молодежи (возраст от 14 до 31 года) в выборе между Россией и Европейским союзом отдавали предпочтение последнему, а в начале 2010-х гг. эта доля увеличилась почти до 70% [11]. Подчеркнем: все это в крайне неблагоприятных условиях белорусско-европейского сотрудничества.

Помимо молодежи, сдержанно относятся к интеграции с Россией белорусские предприниматели. С одной стороны, они не видят реальной альтернативы Евразийскому экономическому союзу, и чаще

признают его положительное влияние на экономику страны. С другой стороны, малый и средний бизнес Беларуси в основном ориентируется на внутренний рынок, отчасти – в силу своей невысокой конкурентоспособности. По этой причине на его поддержку в вопросах евразийского интеграционного строительства пока также не приходится рассчитывать.

Почему же Россия, будучи главным донором белорусской экономики, становилась все менее популярной в глазах белорусского избирателя, в отличие от менее «щедрого» Европейского союза? Одна из главных причин заключается в том, что в Беларуси за годы независимости росло пассивное разочарование властью, точнее – ее экономической политикой. Руководство страны в силу уже раскрытых причин оказалось неспособно реализовать в стране эффективные реформы. Однако вина за это, как ни странно, была возложена не только на правящий режим, но и на Россию, которая была его экономической и политической опорой. Поэтому, когда экономическая ситуация в Беларуси улучшалась (росли дотации со стороны России), улучшалось и отношение к интеграции с восточным соседом. И напротив, когда экономическая ситуация ухудшалась (причем здесь уже роль Москвы не имела значения), вслед за ней снижался уровень поддержки российского вектора внешней политики.

Во многом именно такая ситуация сложилась в 2013 г. в Киеве, где имела также негативные для России последствия. Если вынести за скобки запланированную часть государственного переворота, то приходится признать, что основные запросы протестных групп (в основном – молодежи) касались не внешней политики, а лучшего качества госуправления. Это стало особенностью многих постсоветских стран: оторвавшись от Москвы, они лишились ее стратегического и идейного целеполагания, а производить собственное оказались не в состоянии. По этой причине для электората, разочаровавшегося в элитах, *государственный* суверенитет стал меньшей ценностью, чем *национальное* развитие. Внешнее управление и роль подчиненного в отношениях с ЕС – главным экспортером реформ и передовых практик, воспринималась им вполне приемлемо. Понятно, что с этой точки зрения Россия, радеющая за невмешательство во внутренние дела постсоветских государств, вызывала ту же критику, что и неэффективный политический режим.

Возвращаясь к Беларуси, можно назвать еще несколько причин снижения популярности российского направления внешней политики.

Во-первых, это позиция части белорусской интеллигенции, мечтающей о мировом признании. Так уж повелось исторически, что для нее любой союз с Россией – это размывание собственного

«Я», и единственный путь подчеркнуть свою уникальность – провести четкую границу между культурами двух стран. Неслучайно в последние годы возобновились дискуссии о расширении использования белорусского языка в документообороте, образовании и других сферах. Сюда же можно отнести и оппозицию, которая хоть и исключена из политического процесса, однако раз в несколько лет (на время электоральных кампаний) получает широкий доступ к публичной аудитории.

Во-вторых, большая доля скептицизма в адрес России исходит из белорусского экспертного сообщества. Сами по себе дискуссии о месте Беларуси в Восточной Европе, между Россией и Европейским союзом являются вполне логичными для молодого государства, тем более учитывая разновекторные взгляды населения. Однако исследовательская риторика зачастую имеет весьма странный характер: в ней осуждаются те или иные действия Москвы, рассказывается о перспективах сближения с ЕС, и при этом не оценивается та экономическая поддержка, которую Беларусь получает от России; говорится о белорусских интересах, но при этом полностью игнорируются интересы ее партнерами по СНГ. Из последнего можно назвать вбросы в публичное пространство об угрозах дестабилизации Москвой ситуации в Беларуси в период президентских выборов с целью смены политического режима [12].

В общем и целом можно уверенно сказать, что Беларусь «изнутри» далеко не такая, какой она кажется для российского обывателя. Хотя возможности общества и различных групп влиять на реальную внешнюю политику пока минимальны, накопленный проевропейский и антироссийский потенциал здесь уже достаточно высок. И тенденции к его уменьшению пока не просматриваются.

Будущее союзничества

Опасность для России заключается в том, что политический и экспертный класс если и видит эти проблемы, то крайне неохотно признает и обсуждает их. Совсем недавно на встрече спикер Госдумы Сергея Нарышкина с членами Молодежной общественной палаты России были высказаны опасения, что антироссийские исторические концепции, которые получили распространение на Украине, могут появиться в Беларуси, где «в белорусских группах в социальных сетях до 80% материалов носят либо антироссийский характер, либо нацеленные «на отрыв от России» версии истории» [13]. Сам Сергей Нарышкин ответил на это, что Беларусь *как государство* «твердо стоит на позициях защиты исторической правды, прежде всего, по самым ключевым и самым острым вопросам и периодам нашей истории, в том числе и общей истории» [13].

Едва ли это можно назвать политической блицкриком. Спикер российской Госдумы очень верно расставил акценты: белорусское государство действительно придерживается союзнический обязательств на официальном уровне. Хотя, как уже было показано, за этой видимостью кроется и конъюнктурное поведение самого белорусского руководства, и его далеко не столь однозначная общественная база. Но тот факт, что белорусский вопрос очень редко обсуждается в критическом ключе, заставляет задуматься о **третьей ошибке** России – уверенности, что Беларусь при всех имеющихся предпосылках не сможет развернуться от Москвы в сторону Запада.

Причины такой уверенности понятны. Это и пределы диалога белорусского режима с ЕС и США, и зависимость экономики Беларуси от российской, и институциональная связь Минска с партнерами по ЕАЭС, которую невозможно разорвать, не пожертвовав экономическими выгодами. Однако заметим, что все это не помешало Украине путем госпереворота отказаться от евразийской интеграции и, несмотря на экономические и территориальные потери, пойти на ассоциацию с ЕС. И все это – силами ограниченной группы политиков и бизнесменов при поддержке активной прозападной части общества и молчаливом согласии основной массы населения.

Реально ли, что Беларусь тоже начнет менять свои внешнеполитические приоритеты? Во избежание противоречивости дадим вполне однозначный ответ – да. Для этого имеются все достаточные предпосылки: запрос со стороны общества на реформы по образцу восточноевропейских стран и более глубокую интеграцию со странами ЕС, требования интеллигенции, опасения белорусскими элитами российских и т.д. При этом учтем, что для реализации этого курса его сторонники готовы к активной пропаганде и публичной работе, в отличие от адептов евразийской интеграции и союзничества с Россией. Добавим также, что у Запада в отношении Беларуси имеется большой резерв неиспользованных приемов, находящихся в ожидании потепления двусторонних отношений. Абстрактному президенту, даже если допустить его абсолютно пророссийскую настроенность, будет невозможно противостоять всем этим силам.

Другое дело, что Александр Лукашенко – не абстрактный президент. Ему удастся (пока) держать под контролем внутреннюю ситуацию в стране и не допускать выхода на политическую арену новых игроков (или их прихода извне). Таким образом, пока он находится у власти, решение о внешнеполитическом курсе страны будет всецело зависеть от самого белорусского президента.

При нынешнем президенте вероятность смены нынешнего внешнеполитического курса оце-

нивается как весьма маловероятная. Хотя, надо признать, украинский кризис существенно расширил коридор его балансирования между Москвой и Западом. Предпринимаются попытки получить новый кредит МВФ, ищутся точки соприкосновения с европейскими партнерами (которые начинают демонстрировать ответную лояльность). Можно допустить, что если президентские выборы-2015 пройдут без эксцессов, то начнется постепенная разморозка и политических отношений. Однако по нашему мнению, все это приведет к тому, что президент Лукашенко усилит свои позиции в торге с Россией, но принципиально останется на российской (евразийской) «торговой площадке».

Вместе с тем это не значит, что белорусско-российские отношения впредь будут столь же спокойными, как сейчас. И даже более того – высока вероятность роста их напряженности. Причиной тому, как видится, станут новые политические и интеграционные ожидания Москвы, за которые Минск потребует для себя очередные экономические преференции.

В период президентских выборов белорусская экономика, по мнению многих экспертов, находится в состоянии обострившегося структурного кризиса, что очень сильно сказывается на доходах населения. Достаточно сказать, что за последние десять лет белорусский рубль обесценился в 8,5 раз по отношению к доллару США. Протестные акции 2011 г. показали, что у белорусов все же есть определенный «болевого порог», после которого они готовы выходить на улицы. Таким образом, белорусскому руководству нужно оперативно решать проблемы собственной экономической модели, причем не выходя за ее рамки. Ведь отказаться от этой модели не позволяет политическая система.

Даже если допустить, что власти закроют глаза на политические риски и все же решатся на частичные реформы, то согласимся, что «в условиях апатии, равнодушия и даже коррупции на разных уровнях управления госпредприятий, а также бюрократизированности процесса принятия решений, быстрая перестройка производственного сектора невозможна» [14]. Единственным выходом становится поддержка со стороны России, которая и сама сейчас испытывает серьезные экономические трудности. А значит по каждому важному для Москвы вопросу можно ожидать жесткий торг, где на стороне Александра Лукашенко будет украинский прецедент, конфликт России с Западом, и уже доказанная ранее невыгодность для Москвы роста внутренней нестабильности в Беларуси.

Если при нынешнем президенте Беларусь останется формальным союзником, но очень проблемным партнером (или, наоборот, проблемным партнером, но все же формальным союзником – здесь

каждый расставляет акценты сам), то дальнейшая ее судьба видится очень спорной. Рассуждая о белорусской внешней политике *после* Александра Лукашенко, мы попадаем в принципиально иную реальность, где имеем дело с другим политическим режимом, бóльшим разнообразием политических игроков с собственными противоречивыми взглядами и интересами, вариативностью различных политических конфигураций. Если новым, более разношерстным элитам удастся достичь консенсуса в выборе внешнеполитических приоритетов, то Беларусь останется стабильным актором между Россией и ЕС, хотя и не совсем ясно, в чьем поле влияния она все же окажется. Однако есть вероятность, что Беларусь последует по украинскому пути поляризации политического класса. А это станет проблемой не только для белорусско-российских, но и для российско-европейских отношений.

Какой бы сценарий ни реализовался, в будущем российскому руководству придется иметь дело с совершенно иной Беларусью – с большей претензией на свою особенность (т.е. нерусскость), сильным проевропейским лобби, судящей о своих партнерах по их теперешним успехам, а не былым достижениям и победам.

* * *

Белорусский вопрос изучается и обсуждается не так часто, особенно теперь, когда на повестке более серьезные проблемы. Это, к слову, роднит россий-

ских экспертов с европейскими и американскими, которые также часто не замечают Беларусь на фоне резонанса вокруг соседней Украины. Однако при этом западные исследователи все же более критично и объективно смотрят на пророссийскую ориентацию Минска. По крайней мере тема его будущей внешней политики – куда более дискуссионная.

По итогам проведенного анализа уместно сказать, что все познается в сравнении. Нынешний белорусский режим при внимательном рассмотрении кажется вызовом российским интересам, уже на протяжении двух десятилетий нередко тормозящим интеграцию двух стран. Однако если рассмотреть Беларусь во всей комплексности происходящих там общественно-политических процессов, то окажется, что именно этот режим является меньшим из двух зол, поскольку сдерживает иные, куда более неприемлемые для Москвы силы и процессы.

Означает ли сделанный прогноз, что постепенный разворот и движение Беларуси на Запад не имеет альтернативы? Отнюдь. Ведь как было показано, очень часто проевропейские настроения – следствие российской пассивности или неверных действий по вопросам, имеющим большое значение для белорусов. Инструменты мягкой силы, через которые устанавливается устойчивый контакт с контрагентами и формируется позитивное общественное мнение, известны и могут и должны быть использованы в белорусско-российских отношениях. А вот как именно это делать – тема отдельного исследования.

Библиография:

1. Украинский урок. России следует извлечь выводы из поражения. – 2015. URL: http://ni.globalaffairs.ru/author/vladimir_chernega/
2. Путин считает Лукашенко последовательным сторонником интеграции с РФ. – 2012. URL: <http://ria.ru/politics/20120127/550192846.html>
3. Recent evolution in the Belarusian economic system. – 2010. URL: <http://case-belarus.eu/wp-content/uploads/2011/07/Belarusian-economic-system-in-2010.pdf>
4. Transition report 2010. Recovery and reform. – 2001. URL: <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/tr10.pdf>;
5. Transition report 2000. Employment, skills and transition. – 2001. URL: <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/TR00.pdf>
6. Россия вынесла сор из трубы. Новая формула отношений России с союзниками по СНГ. – 2004. URL: <http://kommersant.ru/doc/451190>
7. Кремль может опубликовать стенограммы с заявлениями Лукашенко. – 2010. URL: <http://izvestia.ru/news/476132#ixzz3l4GrGV8z>
8. Стенограмма встречи с представителями белорусских и зарубежных СМИ. – 2015. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/stenogramma-vstrechi-s-predstaviteljami-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-10760/
9. Обращение с Посланием к белорусскому народу и Национальному Собранию. – 2015. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301/
10. Протокол Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов. – 1995. URL: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Referenda-1995-Post.pdf>
11. Молодежь и гражданское общество в Беларуси: новое поколение». Под ред. профессора Олега Манаева. Санкт-Петербург, «Невский простор», 2011. 346 с.
12. Новая геостратегия России. Последствия и вызовы для международной безопасности. – 2015. URL: <http://csfps.by/files/New-Russian-geostrategy.pdf>
13. Нарышкин: Белоруссия стоит на защите исторической правды. – 2015. URL: <http://ria.ru/world/20150904/1229195364.html>
14. В полушаге от пропасти: экономика Беларуси в преддверии президентских выборов. – 2015. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6548#top-content

15. В.В. Перельмут Политический аспект участия Республики Беларусь в программе «Восточное партнерство» // Политика и Общество. – 2013. – 4. – С. 428 – 434. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.04.6.
16. Манойло А.В. Мирное разрешение международных конфликтов: национальные концепции, модели, технологии. // Власть. 2008. № 8. С. 79-83.
17. Манойло А.В. Актуальные вопросы модернизации современной культурно-цивилизационной теории управления международными конфликтами. // Национальная безопасность / nota bene. – 2011. – № 4. – С. 60-66.
16. Гончаров В.В. Эффективность формирования и функционирования исполнительной власти в Беларуси: конституционно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения / Journal of foreign legislation and comparative law. – 2014. – 5. – С. 805 – 810.
17. Липинский Д.А., Мусаткина А.А. Общественная опасность правонарушения в научных и законодательных определениях России и зарубежных стран // Вопросы безопасности. – 2015. – 3. – С. 24 – 44. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.3.15941. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_15941.html
18. Ю. А. Головин Публичная политика как пространство легитимации власти (на примере Ярославской области) // Политика и Общество. – 2012. – 4. – С. 42 – 47.
19. Е. В. Клиньшанс Гражданский контроль над системой исполнения наказаний в условиях модернизации органов государственной власти: зарубежный опыт // Политика и Общество. – 2011. – 6. – С. 26 – 32.
20. А.Ю. Бельянинов Безопасность России на Евразийском пространстве // Национальная безопасность / nota bene. – 2013. – 2. – С. 318 – 324. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.02.10.
21. Е. А. Попов Этническая идентификация в обществе посредством языка // Политика и Общество. – 2012. – 3. – С. 67 – 74.

References (transliterated):

1. Ukrainskii urok. Rossii sleduet izvlech' vyvody iz porazheniya. – 2015. URL: http://ni.globalaffairs.ru/author/vladimir_chernega/
2. Putin schitaet Lukashenko posledovatel'nym storonnikom integratsii s RF. – 2012. URL: <http://ria.ru/politics/20120127/550192846.html>
3. Recent evolution in the Belarusian economic system. – 2010. URL: <http://case-belarus.eu/wp-content/uploads/2011/07/Belarusian-economic-system-in-2010.pdf>
4. Transition report 2010. Recovery and reform. – 2001. URL: <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/tr10.pdf>;
5. Transition report 2000. Employment, skills and transition. – 2001. URL: <http://www.ebrd.com/downloads/research/transition/TR00.pdf>
6. Rossiya vynesla sor iz truby. Novaya formula otnoshenii Rossii s soyuznikami po SNG. – 2004. URL: <http://kommersant.ru/doc/451190>
7. Kreml' mozhet opublikovat' stenogrammy s zayavleniyami Lukashenko. – 2010. URL: <http://izvestia.ru/news/476132#ixzz314GrGV8z>
8. Stenogramma vstrechi s predstaviteleyami belorusskikh i zarubezhnykh SMI. – 2015. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/stenogramma-vstrechi-s-predstaviteljami-belorusskix-i-zarubezhnyx-smi-10760/
9. Obrashchenie s Poslaniem k belorusskomu narodu i Natsional'nomu Sobraniyu. – 2015. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/obraschenie-s-poslaniem-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-11301/
10. Protokol Tsentral'noi komissii Respubliki Belarus' po vyboram i provedeniyu respublikanskikh referendumov. – 1995. URL: <http://www.rec.gov.by/sites/default/files/pdf/Archive-Referenda-1995-Post.pdf>
11. Molodezh' i grazhdanskoe obshchestvo v Belarusi: novoe pokolenie». Pod red. professora Olega Manaeva. Sankt-Peterburg, «Nevskii prostor», 2011. 346 s.
12. Novaya geostrategiya Rossii. Posledstviya i vyzovy dlya mezhdunarodnoi bezopasnosti. – 2015. URL: <http://csfps.by/files/New-Russian-geostrategy.pdf>
13. Naryshkin: Belorussiya stoit na zashchite istoricheskoi pravdy. – 2015. URL: <http://ria.ru/world/20150904/1229195364.html>
14. V polushage ot propasti: ekonomika Belarusi v preddverii prezidentskikh vyborov. – 2015. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6548#top-content
15. V.V. Perel'mut Politicheskii aspekt uchastiya Respubliki Belarus' v programme «Vostochnoe partnerstvo» // Politika i Obshchestvo. – 2013. – 4. – S. 428 – 434. DOI: 10.7256/1812-8696.2013.04.6.
16. Manoilo A.V. Mirnoe razreshenie mezhdunarodnykh konfliktov: natsional'nye kontseptsii, modeli, tekhnologii. // Vlast'. 2008. № 8. С. 79-83.
17. Manoilo A.V. Aktual'nye voprosy modernizatsii sovremennoi kul'turno-tsivilizatsionnoi teorii upravleniya mezhdunarodnymi konfliktami. // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2011. – № 4. – S. 60-66.
16. Goncharov V.V. Effektivnost' formirovaniya i funktsionirovaniya ispolnitel'noi vlasti v Belarusi: konstitutsionno-pravovoi analiz // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya / Journal of foreign legislation and comparative law. – 2014. – 5. – S. 805 – 810.
17. Lipinskii D.A., Musatkina A.A. Obshchestvennaya opasnost' pravonarusheniya v nauchnykh i zakonodatel'nykh opredeleniyakh Rossii i zarubezhnykh stran // Voprosy bezopasnosti. – 2015. – 3. – S. 24 – 44. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.3.15941. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_15941.html
18. Yu. A. Golovin Pulichnaya politika kak prostranstvo legitimatsii vlasti (na primere Yaroslavskoi oblasti) // Politika i Obshchestvo. – 2012. – 4. – S. 42 – 47.
19. E. V. Klin'shans Grazhdanskii kontrol' nad sistemoi ispolneniya nakazanii v usloviyakh modernizatsii organov gosudarstvennoi vlasti: zarubezhnyi opyt // Politika i Obshchestvo. – 2011. – 6. – S. 26 – 32.
20. A.Yu. Bel'yaninov Bezopasnost' Rossii na Evraziiskom prostranstve // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. – 2013. – 2. – S. 318 – 324. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.02.10.
21. E. A. Popov Etnicheskaya identifikatsiya v obshchestve posredstvom yazyka // Politika i Obshchestvo. – 2012. – 3. – S. 67 – 74.